

НА ЭКРАНЫ вышел новый фильм по одному из лучших произведений А. П. Чехова — «Дом с мезонином».

Мы, студенты школы-студии МХАТ, привыкли особенно бережно, с любовью относиться к Чехову, к его традициям, которые являются творческим направлением Художественного театра и нашей студии. Для нас слова «...театр поставил Чехова» или «вышел чеховский фильм...» звучат не совсем обычно.

Мы представляем себе, конечно, как трудно бывает воплотить образ чеховского героя на сцене или в кино. Для нас, будущих актеров, чеховский образ — это эталон актерского мастерства.

Но что-то настораживает нас с первых же кадров фильма «Дом с мезонином». То ли музыка, слишком громкая и назойливая, то ли зеленая повившегося леса слишком бьет в глаза. Перед нами лес, огромная собака и человек. У человека всклокоченная борода, отчетное лицо... Глухая избушка. Одиночество. Человек произносит знакомые слова художника. Но откуда эта сцена? В чеховском рассказе ее, конечно, нет. И чем мотивирован «внутренний монолог», начинающий историю? Все это совершенно неясно и не вяжется с обликом чеховского героя.

Когда же мы просмотрели фильм до конца, то у нас появилось твердое убеждение, что авторы фильма (сценарист П. Ерофеев, режиссер Я. Базелян) стараются передать Чехова теми средствами, против которых он всегда боролся.

Режиссер, конечно, знает, что Чехов вел непримиримую борьбу с пошлостью, притом с самой замаскированной, — пошлостью не пошлого человека. Проследим, как это показано в фильме. Вот дом помещика Белокурова. Для того чтобы ввести зрителя в атмосферу праздности и скуки, среди которой живет художник, очень долго нам показывают, как едят в доме Белокурова. Сцена эта повторяется не по-чеховски, назойливо, прямолинейно — несколько раз.

Возьмем для сравнения другой фильм по Чехову — «Дама с собачкой». Там очень кратко, лаконично показана одуряющая пустота пляжной жизни — пустые бутылки, плавающие в воде, и два пляжника, качающие друг друга на спине. Все.

Незачем показывать несколько раз, как за обедом наливают пиво и заводят

МИСЮСЬ, ГДЕ ТЫ?

музыкальный ящик. Это не по-чеховски. О пошлости не кричат.

А дом с мезонином? В кино он по роскоши, красивости не уступает дому Белокурова. Не чувствуется, что в нем живут Мисюсь, Лида, что они любят в нем каждый уголок, каждый скрип распахнувшихся дверей.

Отсутствие у авторов экранизации чеховского чувства меры и вкуса можно проследить и на других примерах.

Сценарист и режиссер как-то очень впрямую понимают то, что написано в рассказе. Сказано у Чехова, что художник смотрел на птиц, — пожалуйста, в фильме несколько раз показывают огромные стаи. Лида принимала больных — есть и больные с натуралистическими подробностями распухших рук, ног, грязных бинтов.

Огорчает нас в этом фильме и еще одно обстоятельство — неверное толкование чеховского пейзажа. Пейзаж у писателя неотделим от основной мысли произведения и составляет с ней одно целое. Чеховский пейзаж смотрится глазами его героев. А в фильме он сам по себе, отдельно. Яркий до неправдоподобности цвет зелени, роскошные березовые рощи с броскими пятнами солнечного света на траве. Во всем чувствуется погоня за красотой. Некоторые пейзажи прямо повторяют картины русских художников. Здесь можно увидеть березовую рощу Куинджи и его лунную ночь, вырубленный лес Шишкина, предгрозовое небо Васильева и призрачное свечение луны Врубеля. Здесь только, к сожалению, нет ни одного пейзажа Левитана — художника, наиболее близкого творчеству Чехова.

Все это можно назвать мелочами, если такое слово было бы применимо к прозе Чехова. Но удивляет и другое: трактовка основных персонажей рассказа — художника, Лиды и Мисюсь.

Основное занятие художника на протяжении всего фильма — страдание. Он только и делает, что скучающе страдает и страдая же скучает.

Актер С. Яковлев понял скуку в прямом смысле и сыграл ее. Однако сложность чеховского образа как раз

и скрывается за этой внешней меланхолией героя. Ведь в рассказе были моменты, когда после знакомства с семейством Волчаниновых что-то изменилось в его отношении к жизни. Вы помните его слова: «...в первый раз за все лето мне захотелось писать...» В фильме это опущено. И в конце, после того, как уехала Мисюсь, не чувствуется трагедии человека, внезапно обретшего и так бессмысленно потерявшего свое счастье. Последние слова художника: «Мисюсь, где ты?» звучат слишком громко и... фальшиво.

Лида у Чехова, — строгая, деятельная, холодная девушка, у которой «...весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, переходящих нужд...» Она из тех людей, что умом признают необходимость служения народу, но не сердцем. И тогда непонятно в фильме ее волнение, чуть ли не слезы и в доме Белокурова, куда пришла она с подписным листом для погорельцев, и в крестьянской избе, где она дает им деньги. Но самая главная, как нам кажется, ошибка в трактовке образа Лиды — это то, что ей приписана любовь к художнику. Лида, проводящая время стоящая в коридоре у окна. Это — выдумка режиссера. У Чехова этого нет. Чтобы показать некоторую черствость природы Лиды, авторы нашли, как им думается, более выразительные средства, чем у Чехова: Лида, занятая рассказом о делах земства, несколько раз криком прерывает чудесную игру Мисюсь на рояле. Но у Чехова и этого нет.

Хочется сказать о народных сценах, показывающих жизнь крестьян. Тут и скачки во время пожара, и его последствия (сцена с погорельцами в избе), и безысходный жест парня в красной рубахе с большой матерью в телеге, и колокольный звон, и скороговорка старухи о чуде. Но самая бросающаяся сцена — скачущие в конце фильма бенные тройки с цветастыми пассажирами, поющими народные песни.

Авторы фильма, конечно, знали, что «Дом с мезонином» — это не рассказ о крестьянстве. Но если даже допустить возможность использования сцен, взятых не из «Дома с мезонином» и даже вообще не из Чехова, остается непонятной их художественная роль. Очевидно, мало чеховского текста, мало чеховских образов и пейзажа — нужны усиления, нужны пояснительные картины, чтобы мы поняли чеховские мысли.

Почему нас эта инсценировка особенно огорчила? Выходя из кинотеатра, после сеанса, можно было видеть, как у многих людей на лицах было написано безразличие. Некоторые, пожевывая, говорили: «А Чехов все-таки скучноват...» Это Чехов-то!

«Дом с мезонином»... В этом заголовке весь Чехов — чуткий, скромный, противник всяческой крикливости, позы, дидактичности. Он как бы говорит: «Не ищите в названии идеи или программы рассказа. Вот вам темная сосновая аллея, вот старый господский дом, окна которого ласково зацурились в заходящих лучах солнца, а вот мои герои. Они знакомятся, обедают, пьют чай, размышляют о смысле жизни. Кто из них прав — может быть, художник, может быть, Лида... А может, ни та и ни другой. Подумайте!»

Это «подумайте» могло прозвучать в полную силу и в наши дни.

И, конечно, не вина прекрасной чеховской прозы, что была протрена она не бережно, не пылливо, и вот такой — не яркой, не богатой мыслями и чувствами предстала на экране перед зрителями.

По поручению студентов 2-го курса актерского факультета Школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко: Н. ПЕНЬКОВ, О. ТАЛНИЩИХ, В. СТЕПАНОВ, Т. АБРОСИМОВА, Е. ВОРОНОВ, Л. СКУДАТИНА, В. ЕЗЕПОВ, Л. ГАВРИЛОВА, А. СЕМЕНОВ, Л. КУТУЗОВА и др.